

О ФАКТОРАХ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ ФОРМИРОВАНИЮ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Настоящая статья посвящена проблемам формирования общей теории юридической ответственности. В работе обращается внимание на тенденции современной науки, препятствующие выявлению и описанию юридической ответственности как общеправового феномена.

The article is devoted to the issues of the formation of general theory of legal ability. Much prominence is given to the different tendencies of modern jurisprudence, which preclude the detection and description of legal liability as the general juridical phenomenon.

Ключевые слова: юридическая ответственность, проблемы теории государства и права, позитивная ответственность, ретроспективная ответственность.

Key words: legal liability, issues of theory of state and law, positive responsibility, retrospective responsibility.

В научной литературе юридической ответственности уделяется значительное внимание, однако ее общая теория находится в кризисном состоянии. Можно выделить несколько признаков такого кризиса.

Существующая методология исследования юридической ответственности не обеспечивает решения ряда важнейших теоретических и практических задач. Прочно закрепившаяся в правовой доктрине и действующем законодательстве ретроспективность ответственности сводит научные дискуссии и правотворческие процессы лишь к обсуждению размеров и характера санкций, необходимости введения или исключения различных составов правонарушений. При этом эти дебаты, как правило, носят не научно обоснованный характер, а являются выражением политического видения методики профилактики и борьбы с правонарушениями. Ученые-правоведы не в состоянии предложить критерии определения видов и объема мер государственного принуждения к правонарушителю и разумно объяснить, почему регистрация заведомо незаконных сделок с землей должна наказываться штрафом именно до 80 тысяч рублей (в альтернативности с другими видами наказаний), а не до 243 или 531 тысячи рублей [1]. По какой методике суд должен назначать штраф 80 тысяч рублей или 39 тысяч 254 рубля 16 копеек? Вопрос обоснованности тех или иных негативных санкций остается открытым. Также научно необоснованны связи мер юридической ответственности (в их ретроспективном понимании) с механизмами достижения ее целей, индивидуальными особенностями правонарушителя, эффективностью деятельности по привлечению его к ответственности.

Невозможность предоставления обществу четких ответов на подобные вопросы является следствием доктринальной неразвитости теории юридической ответственности, которая не содержит даже сущностного понятия ответственности, способного консолидировать усилия ученых и определить вектор научных исследований.

В современном правоведении можно встретить самые разнообразные определения юридической ответственности и утверждения относительно ее сущности и содержания. Объясняется это, как правило, ее многоаспектностью (многосторонностью) и специальным назначением дефиниций. При этом под лозунгом «многогранности юридической ответственности» в ее содержание иногда включаются самые разные правовые явления, в том числе и взаимоисключающие, а дефиниции их содержания преподносятся в качестве определений специфических аспектов ответственности. Функциональный подход к изучению правовых явлений достаточно распространен в научной деятельности. Однако он предполагает соблюдение ряда условий. Во-первых, в основе множества функциональных представлений о юридической ответственности должно лежать ее родовое понятие. Во-вторых, содержание функциональных дефиниций, утверждений не должно искажать понимание сущности юридической ответственности, не переводить ее в качественно иное состояние или приводить к отождествлению с иными явлениями. В-третьих, в определении, утверждении должен быть четко выражен его функциональный характер. Необходимо указывать на цели создания той или иной дефиниции. В-четвертых, определе-

ние должно иметь собственное место в теории юридической ответственности. Это означает и то, что при конструировании модели определения допустимо использовать только термины, соответствующие логическому понятийно-терминологическому ряду общей теории юридической ответственности. В-пятых, необходимо исключить из научного творчества метафоричные дефиниции, смысл которых сводится к художественным или духовным образам и может быть воспринят исключительно интуитивно. В-шестых, определяющие объект познания термины должны быть понятны. В случае неоднозначности термина он должен быть раскрыт применительно к решению задач исследования. Системная реализация этих требований возможна при формировании дедуктивной теории, в основе которой находится некое первичное понятие, из которого логическим путем формируются выводы. Именно отсутствие первичного понятия юридической ответственности вызывает системные проблемы ее общей теории. Ответственность, как и большинство юридических явлений, представляет собой некую правовую конструкцию, создаваемую на доктринальном уровне и закрепляемую в законодательстве. Следовательно, решить проблему с первичным утверждением о сущности юридической ответственности можно посредством формирования наиболее эффективной, полезной для правового регулирования ее модели, а не поиска ее истины.

Предлагаемые сегодня дефиниции юридической ответственности не выдерживают критики оппонентов. При этом критика в большинстве случаев основана на демонстрации практической несостоятельности понятий ответственности, невозможности их использования в правовом регулировании.

Различные варианты ретроспективных представлений о юридической ответственности не в состоянии раскрыть содержание ответственности российского народа «за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями» [2], провозглашённой в преамбуле Конституции РФ. Не согласуются они с пониманием ответственности родителей за воспитание и развитие своих детей, которая определяется в ст. 63 СК РФ как обязанность заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей [3]. Ответственность государства перед обществом и личностью также не сводится ни к санкциям юридических норм, ни к неблагоприятным последствиям, предусмотренным санкцией пра-

вовой нормы, ни к обязанности, осуществляемой в силу государственного принуждения.

Понимание юридической ответственности как необходимости дать отчет за свое поведение [4, с. 281] вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Каково содержание такой ответственности? Что является мерой юридической ответственности? В чем заключается освобождение от ответственности? Как необходимость дать отчет соотносится с наказанием? Возможно ли заставить субъекта предоставить отчет? Для понимания юридической ответственности через категорию предоставления отчета необходимо иметь четкое представление о содержании самого отчета, а его сегодня нет. Если из определения юридической ответственности исключить термин «отчет», то понятие становится неопределенным. Следовательно, формировать теорию юридической ответственности на основе подобного понимания ее сущности не представляется возможным.

Понимание сущности юридической ответственности как правоотношения [5, с. 330] критикуется по различным основаниям. Помимо неопределенности отраслевой принадлежности такого правоотношения (например: уголовно-правовое, уголовно-процессуальное или уголовно-исполнительное, а может быть межотраслевое?), подобная позиция отождествляет юридическую деятельность по привлечению субъекта к ответственности с самой юридической ответственностью.

Представителей позитивной концепции юридической ответственности упрекают в практической бесполезности их рассуждений о природе и сущности данного феномена, а также логической непоследовательности.

Например, Н.В. Витрук выводит сущность ответственности из социальных связей. Той их качественной стороны, которая характеризует реакцию индивида на социальные требования и обратную реакцию общества (как позитивную, так и негативную) на поведение индивида. Автор формулирует следующее определение социальной ответственности: «Таким образом, взаимоотношения между субъектами общественных отношений и обществом с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований через социальные нормы находят выражение в категории социальной ответственности» [6, с. 7]. В этом определении содержится

первичное понятие ответственности, которое является родовым по отношению к понятию юридической ответственности. Оно отражает философские и социологические представления об ответственности. Поскольку субъект способен осознано реализовывать требования правовых норм, как добровольно, так и в силу государственного принуждения, социальная ответственность в авторском понимании имеет и позитивную и негативную стороны: «Она прежде всего означает осознание субъектом необходимости исполнения требований правовых норм, а также наступление негативных последствий за их неисполнение» [6, с. 8]. При этом позитивным аспектам ответственности автор уделяет значительное внимание, приводя достаточно убедительные аргументы, основанные как на действующем законодательстве, так и на практике Конституционного суда Российской Федерации. Признавая юридическую ответственность частью социальной ответственности, логично предположить, что ее понятийно-терминологический аппарат должен выражать сущностные характеристики социальной ответственности с учетом видовой специфики юридической ответственности. Но этого мы не наблюдаем в работах автора. В тот момент, когда он завершает философско-правовое исследование сущности юридической ответственности и приступает к прикладным разработкам, содержание понятийного аппарата теории юридической ответственности сразу же преобразуется: «Основания и меры юридической ответственности, порядок их применения регулируются правовыми нормативными актами, как правило, в форме законов. Это объясняется тем, что юридическая ответственность есть мера государственного принуждения, применение которой требует особых гарантий соблюдения прав и свобод физических и юридических лиц, иных субъектов общественных отношений» [6, с. 70]. Не трудно заметить, что в подобных утверждениях нет и намек на позитивную природу юридической ответственности или качества субъекта, обеспечивающие согласованность его поведения с требованиями правовых норм.

Формируя определение конституционной ответственности, Н.В. Витрук признает ее источником не свободу воли и необходимость соответствующих субъектов, не их качества, а юридические установления Конституции РФ, конституций и уставов субъектов РФ в интерпретации органов конституционного контроля: «Конституционной (конституционно-у-

ставной) ответственностью можно считать лишь ту, которая предусмотрена Конституцией РФ, конституциями (уставами) субъектов РФ в интерпретации судебных органов конституционного контроля на федеральном и региональном уровнях в контексте действия общепризнанных принципов и норм международного права. Конституционная (конституционно-уставная) ответственность в таком понимании является отраслевой, имеет особую природу и характер» [6, с. 102].

Основанием юридической ответственности Н.В. Витрук признает правонарушение [6, с. 127]. Это ни в коей мере не согласуется с представлениями о ее общесоциальной сущности. Административную ответственность автор определяет следующим образом: «В итоге следует прийти к выводу, что административная ответственность по социальной природе и назначению есть государственно-правовое осуждение (порицание) и справедливое наказание за особого рода общественно опасное (вредное) противоправное поведение (действие или бездействие), квалифицируемое законом (федеральным или региональным) как административное правонарушение, назначенное судом, компетентными органами и лицами в специальной административно-юрисдикционной процедуре и выражающееся в реальном претерпевании правонарушителем ограниченный (лишений) его личных, имущественных и иных прав и свобод» [6, с. 127]. Таким образом, мы должны отметить нарушение логического ряда понятий. Видовые определения ответственности не соответствуют ее родовому определению.

На фоне таких противоречий вспоминается высказывание М.И. Байтина: «Не случайно сторонники признания как ретроспективной, так и позитивной юридической ответственности, когда они переходят от общих рассуждений о значении активной, проспективной ответственности к рассмотрению тех или иных конкретных вопросов юридической ответственности (основания, признаки, виды, применительно к различным отраслям права, последствия и т.д.), то излагают их только на основе ретроспективного понимания юридической ответственности» [7, с. 196].

Нет смысла сейчас излагать критику всех существующих в науке дефиниций юридической ответственности. Они являются общеизвестными и перепечатываются из статьи в статью, из диссертации в диссертацию. Отме-

тим лишь то, что потребности субъектов правового регулирования, которые не могут быть удовлетворены общей теорией юридической ответственности, обуславливают разработку ее специальных, отраслевых, институциональных, узкотематических определений, без учета их места в общей теории юридической ответственности. Это, безусловно, препятствует развитию последней.

Попытки объединения позитивных и негативных представлений о юридической ответственности вряд ли можно признать удачными. Научная и практическая слабость такого подхода усматривается и в работах Н.В. Витрука, и в исследованиях других ученых.

Обосновывая достоинства интеграционного представления о юридической ответственности, А. П. Чирков не описывает логического ряда понятий теории юридической ответственности. Возможно, поэтому в его трудах содержатся некоторые противоречия. Его характеристика социальной ответственности сводится к следующему: «Следовательно, ответственность есть не что иное, как выполнение нормативных требований, а сама нормативность является неотъемлемым свойством ответственности» [8, с. 6]. Сущность ответственности в авторском понимании, как нам представляется, сводится к поведению субъекта по выполнению нормативных требований. Этот вывод подтверждается и дальнейшими рассуждениями автора. По мнению А.П. Чиркова, в структуру социальной ответственности входят такие элементы, как объективная и субъективная стороны, субъект и объект [8, с. 6]. Следовательно, эти же элементы должны содержаться и в юридической ответственности. В таком случае, структурные элементы юридической ответственности совпадают со структурными элементами правового поведения. Поскольку в юридической ответственности признается единство позитивного и негативного аспектов, то под ее признаки попадают различные виды правомерного поведения, включая реализацию принудительно возложенных обязанностей в связи с ранее совершенным правонарушением. Следует обратить внимание на то, что в содержание объективной стороны юридической ответственности А.П. Чирков включает, выраженное в социальных нормах требование необходимого поведения: «Объективная сторона ответственности выступает как совокупность требований, предъявляемых обществом к своим членам или коллективам в

виде принципов, норм, выражающих общественную необходимость» [8, с. 6]. Но требования общества к необходимому поведению конкретных участников общественных отношений являются основанием самого поведения. Они могут быть еще и критерием оценки ответственности субъекта и ее степени. Включать их в структуру поведения (объективной стороны) представляется ошибочным.

При дальнейшем исследовании представлений А.П. Чиркова о юридической ответственности ее признаки размываются. Если характеристика структуры юридической ответственности позволяет воспринимать ее как правовое поведение, то анализ ее внешнего проявления свидетельствует о том, что правовое поведение является формой юридической ответственности: «С учетом сказанного представляется целесообразным позитивную ответственность рассматривать с двух сторон: умеренной, когда ответственность проявляется через нормальное правомерное поведение (исполнительство), и активной стороны, где она выражается через социально-активную деятельность (образцовую, примерную)» [8, с. 7]. В дальнейшем, правовое поведение определяет уже момент возникновения юридической ответственности и ее основание: «С момента возникновения правомерного поведения (нормального или образцового) наступает состояние позитивной юридической ответственности. Следовательно, правомерное поведение является и ее основанием» [8, с. 12]. Сама же ответственность определяется как некое состояние. При этом автор не указывает, является ли это состояние субъекта или общественных отношений.

Раскрывая позитивную ответственность государства, А.П. Чирков определяет ее уже как качество (характер поведения): «Таким образом, анализ отношений, складывающихся как внутри государства, так и в международной сфере, свидетельствует о том, что позитивная ответственность, понимаемая как качество (или характер) нормального либо социально активного поведения субъекта, представляет собой несомненную социальную ценность и, следовательно, нужно для практики» [8, с. 13]. Это же представление развивается и в сравнении степени ответственности человека, ведущего себя правомерно в силу убеждения и принуждения: «... правовая ответственность - это качество, свойство или характер правомерного поведения. Поэтому разница между ответственностью добродетель-

дочного человека и правонарушителем очень существенна, так как последний поступает ответственно лишь под принуждением со всеми вытекающими отсюда для него отрицательными последствиями» [8, с. 29].

Негативная, или наказательная, ответственность, по мнению А.П. Чиркова, является неотъемлемым элементом общего понятия ответственности. Автор определяет ее следующим образом: «Подводя итог сказанному выше о принудительной юридической ответственности, последнюю можно определить как состояние принуждения к правомерному, а следовательно, и ответственному поведению, достигаемому с помощью несения неблагоприятных последствий, наложение которых связано с осуждаемым, виновным и противоправным (безответственным) поведением определенных лиц, имеющее конечную цель: воспитание правонарушителей в духе соблюдения российских законов, а также предупреждение совершения ими и иными лицами новых противоправных деяний» [8, с. 22].

Если позитивная и наказательная ответственность генетически связаны и образуют единое целое, то у них должна быть общая сущность. Позитивную юридическую ответственность А.П. Чирков понимает как «качество (или характер) нормального либо социально активного поведения субъекта», а наказательную как «состояние принуждения к правомерному, а, следовательно, и ответственному поведению». Правомерное поведение, качество человека, состояние принуждения – все эти понятия имеют различное содержание. Описание их через термин юридическая ответственность противоречит требованиям логической упорядоченности понятийно-терминологического аппарата научной теории, поскольку определения этих понятий изменяют сущность исследуемого объекта. Возможно, это обстоятельство и не позволило автору сформировать целостное определение юридической ответственности, логически упорядочивающие ее позитивный и ретроспективный аспекты и соответствующее общесоциальной сущности ответственности.

Перспективы формирования общетеоретического понятия юридической ответственности оспаривают многие ученые. Так, Н.А. Боброва и Т.Д. Зражевская, рассматривая ответственность в системе гарантий конституционных норм, скептически оценивают возможность формирования общего понятия

правовой ответственности и его значение для науки. В своей монографии они указывают: «Дать определение юридической ответственности, учитывающее все ее разновидности и аспекты, пожалуй, не менее трудно, чем определить исходную категорию науки, например точку в математике, право в юриспруденции. В любом случае общетеоретическое определение юридической ответственности будет лишь первым приближением к этому сложному явлению, т.е. дефиницией в ее понимании, по Гегелю, как условным обозначением явления» [9, с. 10]. Ж.И. Овсепян, исключая возможность единого понимания юридической ответственности, обосновывает целесообразность множественности ее понятий в зависимости от субъектов принуждения: «Мы бы поставили под сомнение возможность и целесообразность формирования совмещенного общетеоретического понятия юридической ответственности, одинаково применимого для таких разных субъектов принуждения в порядке применения мер юридической ответственности, как человек (гражданин), институт гражданского общества, с одной стороны, и носитель властных полномочий (государство, орган, должностное лицо государственной власти и власти местного самоуправления) – с другой» [10, с. 132]

Подобная ситуация приводит к обособленному развитию отраслевых теорий юридической ответственности, наполняемых различным содержанием, препятствующим его общетеоретическому обобщению. Научное и практическое значение общей теории юридической ответственности в этих условиях минимизируется. Фактически оно сводится лишь к формированию первичного представления о юридической ответственности у студентов, изучающих основы теории права, и предоставлению базового определения для соответствующих научных исследований, которое, в дальнейшем, скорее всего, получит значительную трансформацию.

Понятийно-терминологический аппарат теории юридической ответственности настолько «раздут» и усложнен, что во всем этом многообразии взаимоисключающих терминов, категорий и определений уже невозможно выстроить четкие логические связи. В результате некоторые авторы, выделяя отдельные закономерности и системные связи между правовыми явлениями, самостоятельно формируют те модели юридической ответственности, которые необходимы им

для собственных исследований. Встречаются ситуации, когда исследователи отраслевых видов юридической ответственности, не разбираясь в сложностях ее общей теории, пытаются интегрировать весь имеющийся опыт.

Так, Н.К. Гусов и Ю.Н. Полетаев, исследуя вопросы ответственности в трудовом праве, ссылаясь на ее сложность и многоаспектность, приводят следующие определения юридической ответственности: «Необходимость лица подвергнуться мерам государственного принуждения за совершенное правонарушение. По нашему мнению, такая трактовка юридической ответственности в условиях сегодняшнего дня с достаточной полнотой определяет ее понятие, смысл и сущность» [11, с. 22]; «Таким образом, юридическая ответственность - это те юридические последствия отрицательного характера, которые наступают для лица, не выполняющего должным образом своих обязанностей, лежащих на нем в силу закона» [11, с. 23]; «В области трудового права юридическая ответственность выступает прежде всего и главным образом в ее общем, позитивном значении - как ответственное отношение лица к своим обязанностям, возложенным на него законом, правильное, добросовестное, успешное и эффективное их исполнение, действенный государственный и общественный контроль над таким исполнением обязанностей» [11, с. 24]; «Итак, в совокупности общих черт дисциплинарная ответственность представляет собой одну из форм государственного принуждения (дисциплинарное принуждение, применяемое должностными лицами к работникам, совершившим правонарушения, и влекущее неблагоприятные для них последствия). Она всегда связана с официальной отрицательной оценкой и осуждением поведения виновного лица» [11, с. 26]. Несложно заметить, что для целей своего исследования авторы наполняют различным содержанием юридическую ответственность. И при этом, они каждый раз находят обоснование того или иного понимания ее сущности в научной литературе. Это обеспечивает Н.К. Гусову и Ю.Н. Полетаеву решение локальных задач, но не позволяет нам получить целостное представление о юридической ответственности, а следовательно, препятствует формированию единой теории юридической ответственности. Совокупность используемых авторами понятий не систематизирована. Не определено родовое понятие, отражающее сущность ответственности. Их функциональное пред-

назначение и место в теории юридической ответственности не очевидны.

Приведенный пример свидетельствует о том, что попытки одновременного использования различных представлений о сущности юридической ответственности в прикладных отраслевых исследованиях, способны разрушить целостное представление о самой ответственности. А включение в сущность юридической ответственности взаимоисключающих характеристик, прикрываясь ее сложностью и многоаспектностью, влечет деструктивные последствия.

Преодоление описанных выше научных тенденций зависит от адекватности понимания социальных и научных оснований формирования общей теории юридической ответственности. При этом понимание социальных оснований невозможно без применения цивилизационного подхода. Ожидания общества, связанные с формированием и реализацией ответственности в целом и юридической в частности, всегда базируются на системе господствующих коллективных ценностей. Именно в них следует искать ответы на основные вопросы общей теории юридической ответственности. Социальные основания являются системообразующим фактором для всех видов ответственности. Признание данного факта влечет необходимость формирования теории юридической ответственности в единстве с теориями экономической, политической, нравственной и иных видов ответственности. В этих условиях мы должны признать несостоятельность тезиса о том, что юридическая ответственность настолько специфична, что наполняется своим собственным содержанием, не имеющим ничего общего с нравственными и иными видами социальной ответственности, а ее теория может формироваться обособленно посредством только правовой методологии. Недопустима ситуация, когда участникам хозяйственных отношений навязывается модель юридической ответственности, не согласованная с их требованиями к ответственному поведению контрагентов.

Теорию юридической ответственности необходимо формировать с учетом возможности ее интегрирования в теорию общесоциальной ответственности, определения ее социальных функций, в том числе и идеологических.

Литература

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Российская газета, 1996. 18.06., 1996. 19.06., 1996. 20.06., 1996. 15.06.
2. Конституция РФ от 12.12.1993г. // Российская газета. 2009. 21.01.
3. Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ// Российская газета. 1996. 27.01. ст. 63.
4. *Тархов В.А.* Гражданское право. Общая часть: Курс лекций, Чебоксары, 1997.
5. *Сенякин И.Н.* Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
6. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. М., 2009.
7. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное понимание на грани двух веков). Саратов. 2001.
8. *Чирков А.П.* Ответственность в системе права: Учебное пособие / Калинингр. ун-т. Калининград, 1996.
9. *Боброва Н.А., Зражевская Т.Д.* Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Воронеж. 1985.
10. *Овсепян Ж.И.* Юридическая ответственность и государственное принуждение (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). Ростов-на-Дону. 2005.
11. *Гусов Н.К. и Полетаев Ю.Н.* Ответственность по Российскому трудовому праву: научно-практическое пособие. М., 2008.

УДК 340.13

Кравченко А.Г.

ТЕХНОЛОГИИ ДЕБЮРОКРАТИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РФ¹

В статье анализируются проблемы правовой институционализации электронного правительства как системы технологий де бюрократизации государственных услуг в России, дается оценка эффективности институтов электронного правительства, осмысливается перспектива дальнейшего его институционального совершенствования.

The article analyzes the problems of the legal institutionalization of e-government as a system of technologies deregulation of public services in Russia, provides an assessment of the effectiveness of e-government institutions, conceptualized the prospect of further institutional improvement.

Ключевые слова: электронное правительство, государственные услуги, де бюрократизация, лоббизм, коррупционный интерес, электронные ресурсы, потребительский контроль, качество публичных услуг, симплификация.

Keywords: e-government, public services, de-bureaucratization, lobbying, corruption interest, electronic resources, consumer control, the quality of public services, simplification.

Проблема интеграции бюрократических интересов в сферу государственного управления не является новой для любого государства в исторической ретроспективе. В то же время для современной России, взявшей курс

на строительство эффективного государства в западно-демократическом понимании, характерна особенность, которая заключается в том, что призванная де бюрократизировать систему государственного управления, техноло-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 11-33-00313а2 «Формы и методы сервисного управления в постсоветской России: проблемы повышения качества оказания государственных услуг», руководитель проекта к.ю.н., доцент Я.В. Коженко.